

тительнѣе лица Позднышева въ ту минуту, какъ онъ вырвался изъ рукъ Трухачевскаго и въ свою очередь набросился на него; но, не смотря на его безуміе и блестящій кинжалъ, я думала только о томъ, чтобы онъ не убилъ человѣка, который былъ мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и, схвативъ его за руку, стала тянуть изо всей силы. Какъ онъ ни старался освободиться отъ меня, я удержала его на столько, что доставила возможность Трухачевскому скрыться изъ комнаты. Тогда Позднышевъ обернулся и ударилъ меня изо всей силы по лицу. Я вскрикнула и упала на кушетку, громко воскликнувъ: „между нами нѣтъ ничего, ничего, ничего. Клянусь!...“ Мои слова какъ будто увеличили его злобу, и, схвативъ меня за горло, онъ сталъ безжалостно душить. Обѣими руками я старалась оторвать его руки отъ своего горла, но онъ неожиданно ударилъ меня въ лѣвый бокъ кинжаломъ.

И она показала рукой на то самое мѣсто, гдѣ вонзился кинжалъ между ея ребрами.

— Боже мой! воскликнула она: съ тѣхъ поръ не было ни дня, ни часа, чтобы я не чувствовала боли въ этомъ мѣстѣ. Я захватилась обѣими руками за кинжалъ, обрѣзала